

Елпатьевская одиссея Александра Дюма

Современные историки и романисты любят обращаться к запискам иностранцев, посещавших наше Отечество в разные времена. Пытливый взор иноземцев нередко останавливался на таких особенностях русской жизни, на какие местный уроженец не обращал ни малейшего внимания. Среди этих писаний заграничных путешественников и дипломатов есть и вполне сочувственные, и едкие, и даже злопыхательские. Описывая природу России, большинство иностранцев отмечают бескрайние просторы, сильный мороз да дорожную грязь. И лишь немногие из них были способны увидеть в этой стандартной картине «Сибирии» с вечным снегом и медведями нечто особенное, уловить какие-то нюансы, которые помогают понять географию и экологию русской души. Одним из таких внимательных «натуралистов» оказался знаменитый французский писатель Александр Дюма-отец, оставивший нам в наследство четыре тома путевых впечатлений, впервые изданных в Париже в 1865 г. и неоднократно переиздававшихся на русском языке.

Дюма, совершивший свою поездку в 1858—1859 гг., за внешним декором имперского официоза и полуазиатской экзотики тогдашней России смог разглядеть и оценить очарование и национальные особенности русской провинции, красоту и мощь Волги, больших среднерусских озёр, могучих лесов. Немало страниц его книги посвящено городам современной Ярославской области: Переславлю, Угличу, Романову, Ярославлю, в которых писатель был проездом. А в селе Елпатьево Переславского уезда Дюма пробыл больше недели, и это маленькое приключение запомнилось автору «Трёх мушкетеров» на всю оставшуюся жизнь.

В этой поездке Дюма сопровождал французский художник, блестящий рисовальщик Жан-Пьер Муане.¹ Пейзажи, выполненные в России, принесли ему известность и неоднократно экспонировались на парижских выставках. Французская публика впервые познакомилась с российской провинцией и смогла оценить очарование природы средней полосы и Поволжья благодаря зарисовкам Муане.

Организовал поездку Дюма в эти края граф, камергер императорского двора и переславский помещик Дмитрий Павлович Нарышкин. С 4 августа по 30 сентября 1859 г. писатель пользовался хлебосольным гостеприимством Нарышкина, проживая сначала в его московской усадьбе в Петровском парке, а потом в Елпатьеве Переславского уезда. Двери нарышкинских особняков распахнулись перед Александром Дюма благодаря его давним приятельским отношениям с французской актрисой Женни Фалькон — содержанкой, а потом и женой графа Нарышкина, очаровательной тридцатичетырёхлетней женщиной, которую современники называли «грациозной феей». Петербургский литературный салон Фалькон и Нарышкина был одним из самых известных и элегантных в столице. Нарышкин познакомил Дюма с русскими писателями и их произведениями. На француза наибольшее впечатление произвели романтические повести погибшего на Кавказе А. А. Бестужева-Марлинского — одного из декабристов и друга молодости Нарышкина. Несколькими десятилетиями ранее Марлинский также бывал в Елпатьеве и на переславском материале написал историческую повесть «Изменник», события которой происходят в Смутное время.

При общении с Нарышкиным Александра Дюма просто потрясла роскошь быта русского барина и широта его души в сочетании с европейской образованностью и свободомыслием. Он писал о нём:

*Сукина, Л. Б. Елпатьевская одиссея Александра Дюма / Л. Б. Сукина // Любитель природы: экологический сборник / Составитель А. Н. Грешневиков. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2002. — С. 338—343.

¹Jean-Pierre Moynet, 1819—1876. — *Ред.*

Не знаю, есть ли на свете человек более ворчливый и одновременно более благородный, щедрый и великодушный, чем Нарышкин. Поверьте, старый русский боярин, цивилизованный французенкой, прекрасная вещь.

Кроме литературы у графа Нарышкина была ещё одна страсть: он считался самым знаменитым лошадиником в России. Его подмосковные конюшни были полны элитных скакунов. Дмитрий Павлович слыл счастливым обладателем чудом сохранившейся линии потомков выдающихся рысаков графа Орлова, и его конные заводы свято берегли чистоту кровей самой известной из российских лошадиных пород. А Женни Фалькон эпатировала петербургскую аристократию своей великолепной рысистой парой, и её экипаж буквально летал по улицам столицы, заставляя бледнеть от зависти записных светских львиц. В переславском имении Елпатьево также наряду с хорошо оборудованными конюшнями существовал прекрасный ипподром для тренировок и конных бегов.

При посещении Елпатьева Дюма поразило, что столь хорошо организованная усадьба находится в настоящей глуши, в 50 верстах от уездного города. Вокруг поместья — девственные леса, непролазные чащи, полные волков, и ни одной приличной, по европейским меркам, дороги. Дюма пишет:

Из лавры¹ в Елпатьево ведут две дороги, если это вообще можно назвать дорогами. Наша дорога считалась лучшей... Впрочем, благодаря ей я познакомился с любопытной вещью, до сих пор мне совершенно неизвестной: дорога была проложена по трясине и состояла из сосновых стволов, уложенных в ряд и скреплённых друг с другом... Нарышкин уверял, что в России множество таких болот и мостов...

Но писатель выбрал эту дорогу не только из-за того, что она была немного лучше, чем другая. Ему хотелось своими глазами увидеть озеро Плещеево. Но изучить озеро как следует Дюма не удалось. Поэтому в своих путевых заметках он записал:

Не ждите от меня никаких сведений об озере, кроме одного: в нём водятся сельди того же вида, что и в океане. Я пообещал Муане отведать их, чтобы убедиться в этом.

В Переславль Дюма с Нарышкиным не заезжали.² Зато туда не преминул завернуть Муане, отправившийся в Елпатьево другой дорогой. Его сведениями и рисунками Дюма воспользовался, включая в свою книгу информацию об истории города, которая завершается интересным наблюдением писателя:

Если вы хотите представить себе богатство и могущество русского духовенства, нужно поехать в Переяславль. В городе с числом жителей не более двух тысяч — двадцать пять церквей, одна из которых, церковь Преображения, любопытна по своему стилю.

Кроме лесов и непролазных болот по дороге в Елпатьево ещё одной напастью была песчаная почва. Когда перед въездом в гору в карету впрягли ещё восемь сильных лошадей, писатель сначала посчитал это экстравагантной выходкой русского богача, желающего пустить пыль в глаза иностранному гостю. Но скоро убедился, что такое излишество было продиктовано необходимостью. Но и дополнительная восьмёрка коней с трудом тащила экипаж по песчаным елпатьевским просёлкам, колёса кареты уходили в грунт по ступицу. В одном, особенно опасном месте, Дюма даже поспешил выйти из экипажа, испугавшись, что его засосёт в песок.

Но, придя в себя, великий романтик тут же восхищается великолепием окружающего пейзажа:

Всё, что мы видели по дороге уже при лунном свете, выглядело очень красивым: мост, речка, довольно отвесная гора, где мы уже не застряли в песке, а чуть было не покатались кувыркком вниз: наконец, аллеи старинного парка, по которым мы четверть часа ехали до господского дома.

¹Сергиева Посада.

²С. Д. Васильев считает иначе и указывает дом, в котором принимали Дюма. Это дом 32 по улице Кардовского. (Васильев, С. Д. Автор «Графа Монте-Кристо» на Переславщине / С. Д. Васильев // *Коммунар*. — 1982. — 16 июля. — С. 3—4.) — *Ред.*

В усадьбе гостей уже ждали верные слуги, обильный ужин, горячая вода и мягкая постель:

В ста пятидесяти верстах от Москвы, в затерянном краю на берегу Волги, в доме, двадцать лет стоявшем нежилым, мы неожиданно застали не только всё, что требуется для комфорта, но и настоящую роскошь.

Главным развлечением для гостей и хозяев Елпатьева была охота с борзыми, которых в усадьбе оказалось более двадцати. В течение восьми дней, как вспоминает Дюма, охотились трижды. Господа выезжали на охотничьей линейке — длинной повозке с низкими скамейками, имевшей славу «вездехода». Ехать приходилось не более версты. Охота началась прямо от ворот усадебного парка. Добычей служили волки и зайцы, что, по мнению француза, свидетельствовало о бедности местной фауны:

Впрочем, этот уголок России, суровый к своим детям, не был обласкан природой и наделён особым плодородием. Я уже говорил, как мало здесь птиц, известно, что и плотность населения реже, чем в любой другой стране, за вычетом необитаемых широт. Этот всеобщий закон заброшенности распространяется и на дичь: её здесь встречается значительно меньше, чем должно было быть. Правда, этот недостаток возмещается обилием волков: их здесь тысячи...

Дюма оказался не слишком удачливым охотником:

...зайцы, попадавшие мне навстречу, поначалу не внушали мне особого желания стрелять; одни были совсем белые, другие на три четверти белые. Это смахивало на охоту на ангорских кошек. К великой радости Нарышкина, я промахнулся на первых трёх-четырёх выстрелах, этот цвет меня мало вдохновлял. Бедные животные уже начали менять его к зиме.

Радости комфортного отдыха не заслонили от взора писателя хозяйственных проблем Елпатьева. Рационально мыслящего француза коробила та небрежность, с какой русские помещики относились к пахотной земле:

Огромное имение Нарышкина, шестьдесят или восемьдесят тысяч десятин земли, возделано едва на четверть. Везде нехватка рабочих рук, повсюду человек не в силах справиться с землёй, а земля между тем хороша, и всюду, где только всходят посевы, урожай прекрасней.

Во время охоты гость проезжал много вёрст невозделанной целины, на которой не росла даже хорошая трава, а только жёсткие сорняки. Сокрушаясь от такой бесхозяйственности, Дюма советовал Нарышкину превратить эти земли хотя бы в искусственные пастбища. На это Дмитрий Павлович шуточно отвечал: «Ладно! Чтобы говорили Порций Нарышкин, как говорят Порций Катон». При этом Нарышкин, упоминая имя знаменитого древнеримского автора труда «Возделывание почвы», демонстрировал только свою образованность, но вовсе не готовность что-то предпринимать на деле. В результате этого Дюма приходит к печальному выводу:

Россия может прокормить в шестьдесят или восемьдесят раз больше людей, чем её населяют. Но Россия останется ненаселённой и не пригодной к обитанию до тех пор, пока будет существовать закон, запрещающий иностранцам владеть землёй.

О, этот вечный для нашего Отечества вопрос о земле! И во времена Дюма он, кажется, практически больше интересовал чужестранцев, чем тех, кто мог этой землёй распорядиться реально. Надо сказать, что, по крайней мере, в Елпатьеве с тех пор ничего не изменилось к лучшему. Его благодатные земли по-прежнему пустыют, и хорошо на них себя чувствуют только потомки тех волков, на которых охотились местные дворяне полтора-два столетия назад.

Другая вещь, которая угнетала писателя во время его поездки — вынужденное безделье и пагубная привычка русских не ценить своё и чужое время: «В Елпатьеве я рассчитывал провести три-четыре дня, а провёл восемь». Поэтому, чтобы извлечь из своего ничегонеделанья хоть какую-нибудь пользу, Дюма приставал к Нарышкину с расспросами о местной старине. Вероятно, из уст Дмитрия Павловича он услышал легенду об одном из переславских помещиков, которому выпала судьба единожды выполнить роль личного палача при

Павле I, за что он получил обширное поместье между Переславлем и Троицей и 500 душ крепостных. Это предание Дюма позже изложил в своих путевых впечатлениях в главах «Переславский отшельник» и «Легенда о петербургской крепости».

Но Россия не была бы Россией, если бы и в елпатьевской глуши французского писателя, слывшего вольнодумцем (при императоре Николае I ему был запрещён въезд в страну, и этот запрет снял только Александр II), не сопровождало недреманное око тайной полиции. До наших дней сохранилось донесение некоего полковника Богданова шефу жандармов князю В. А. Долгорукову, в котором говорилось, что

известный писатель Александр Дюма (отец), пробыв в Переяславль-Залесском уезде, в имении тамошнего помещика Дмитрия Павловича Нарышкина, в селе Елпатьеве, несколько дней, отправился вместе с ним в Нижний Новгород, о чём сообщено мною тамошнему штаб-офицеру; во время пребывания его во Владимирской губернии ничего предосудительного за ним не замечено.¹

Любопытно, что Дюма даже не почувствовал слежки, и впоследствии писал с восхищением о доверчивости, благородстве и уважении русских к свободе. Вероятно, это произошло благодаря дипломатической ловкости Нарышкина, который умело скрывал от глаз писателя вопиющие безобразия и негативные стороны русской действительности. По крайней мере, Дюма до конца своих дней сохранил самые приятные воспоминания о своём гиде и «прекрасном путешествии» в Россию. Пять лет спустя писатель издал свой роман «Князь Море» с посвящением Д. П. Нарышкину: «Дорогой Нарышкин! Прошу Вас принять посвящённый Вам роман «Князь Море» на память о царственном гостеприимстве, оказанном мне Вами в России. Из глубин сердца».

Время и люди разрушили прекрасную усадьбу Нарышкиных в Елпатьеве. На месте дома, конюшен и знаменитого ипподрома ныне — заросшие сорняками и кустарником пустыри. Но память о блистательных владельцах поместья и их давно ушедшей эпохе сохранилась в книгах благодарного гостя Александра Дюма.²

¹Князь Долгоруков так и написал в инструкции: «Учредить за действиями его секретное наблюдение и о том, что замечено будет, донести мне в своё время.» [...] И жандарм] доносил начальству по инстанции: «Для удобнейшего надзора и во избежание излишнего и, может, неуместного столкновения с другими лицами или жителями, ежели и случалось, что г. Дюма бывал в другом обществе, то никогда иначе, как в сопровождении чиновника или полиции, и всё это устраивалось весьма благовидно, под видом гостеприимства и оказываемого внимания». (Носик, Б. М. По Руси Ярославской / Б. М. Носик. — М.: Мысль, 1968. — С. 113.) — *Ред.*

²Прочитанная вами статья — сама по себе очень интересный культурный феномен. Вместо того, чтобы дать авторский текст Дюма, Сукина даёт свои впечатления и комментарии к нему, перемежая их краткими цитатами. Выходит, клочки текста с комментарием *лучше*, чем весь текст с комментарием? Причём не следует думать, что есть какие-то ограничения типа объёма публикации. Они есть только для тех, кто пишет ради денег. У тех же, кто пишет ради читателя, такие проблемы не возникают никогда.

Отдельный вопрос — на каком источнике написана статья, в которой, кстати, нет ни одной ссылки на источники. Иными словами, ходила ли Сукина в библиотеку или же у неё есть собственный томик Дюма? Спокойствия ради мы будем думать, что она пользовалась заёмным источником; в противном случае придётся признать, что, располагая редким и ценным текстом, она намеренно прячет его от тех, кому не плевать на Переславль.

Возражения самого Дюма смотри, например, в книге Андре Моруа «Три Дюма». — *Ред.*